

ИЗ ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Проф. А. Якубовский

Победа русских на Куликовом поле в 1380 г. имела всемирно-историческое значение. Она нанесла Золотой Орде сильнейший удар, после которого последняя стала клониться к полному упадку. Попытка Тохтамыша вернуть Золотой Орде её прежнее могущество не увенчалась успехом.

Рассматривая события в их исторической связанности, мы должны признать, что победы Тимура над Тохтамышем в 1391 и 1395 гг. были обусловлены не только огромными ресурсами Мавераннахра и силой военно-организаторского таланта Тимура, но в первую очередь великой победой русских на Куликовом поле. В своей борьбе с Тохтамышем Тимур думал не только о большой добыче, что было так характерно для его грабительских войн.

Внимательное рассмотрение фактов даёт право сказать, что Тимур поставил перед собой задачу — подорвать в корне экономическое значение наиболее богатых областей Золотой Орды — Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Ибн Арабшах весьма образно описывает разгром Золотой Орды, произведённый Тимуром: «Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унёс его с собой, собрал (всё) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвёл гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увёз (с собой всё) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и (все) эти края»¹.

Ибн Арабшах не даёт, однако, полных сведений по этому вопросу. У арабских и персидских историков конца XIV и первой половины XV в. имеются указания, что Тимур разграбил Крым и Каффу². Каффу он осаждал 18 дней. Очень пострадал Азов. По словам Шереф ад-дин Али Иезди, Тимур, взяв Азов, приказал отделить мусульман от остального населения и опустить их. Всех же немусульман он велел предать мечу Джихада (войны за веру), а дома их сжечь и ограбить³.

Общезвестно, как сильно пострадал Сарай Берке, тогдашняя столица Золотой Орды. По словам того же персидского автора, Тимур сжёг Сарай. Это известие подтвердилось сто лет назад раскопками Терещенко. Большому разгрому и разорению подверглись области Северного Кавказа, особенно город Маджар, а также земли черкесов⁴.

Такой же тяжёлой участи подверглись поволжские города Увек и Астрахань (Хаджи Тархан). Если ко всем этим фактам прибавить ещё совершенно варварское уничтожение в 1388 г. одного из лучших

¹ Тизенгаузен В. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I; русский перевод, стр. 466; арабский текст.

² Крым, или Солхат — ныне Старый Крым; Каффа — ныне Феодосия; см. Тизенгаузен В. Т. I, там же, стр. 330; арабский текст, стр. 322 (Ибн. Дукман); стр. 354, арабский текст, стр. 357 (Ибн ал-Форат); стр. 442, арабский текст, стр. 428 (Ал-Макризи); Тизенгаузен В. Т. II, стр. 185 (Шереф ад-дин Али Иезди «Зафар Намэ». Т. I, § 776—777).

³ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ, соч. Т. I, стр. 762—763; см. Тизенгаузен В. Т. II, стр. 180.

⁴ Там же, стр. 775; Тизенгаузен В. Т. II, стр. 185.

⁵ Там же.

городов средневекового Востока, столицы Хорезма — Ургенча, игравшего огромную роль в караванной торговле, которую вела Восточная Европа с Средней Азией и Китаем через Золотую Орду, то картина станет совершенно ясной. Тимур стремился к максимальному подрыву караванной торговли между Европой и Китаем через Крым, Нижнее Поволжье и Хорезм. После поражения Тохтамыша начался резкий упадок рынков и ремесленного производства во всем этом обширном и недавно еще богатом крае.

Об этом упадке до нас дошли весьма ценные и достоверные свидетельства двух венецианцев — Иосафато Барбаро и Амброзио Контарини, побывавших в юго-восточной Европе в XV веке. И. Барбаро посетил татарские степи между Азовом и Астраханью в 1436 и последующие годы. До разрушения Астрахани Тимуром (предполагается, конечно, 1395 г.) торговля шелком и пряностями шла через этот город. Отсюда товары доставлялись в Азов (Тан), а потом на галерах переправлялись в Италию. В 30-х—40-х годах XV в., согласно Барбаро, эта торговля прекратилась и товары на Дальний Восток из Европы направлялись через Сирию⁶. Другой венецианец, А. Контарини, посетил эти же места приблизительно через тридцать лет. Побывал он в Астрахани в 1476 году. Контарини как бы дополняет характеристику, данную Иосафато Барбаро, указанием на то, что в его время дома в Астрахани мазаные, но что прежде здесь были большие постройки, от которых остались лишь одни развалины. Ссылаясь на рассказы жителей города, Контарини рассказывает о былой торговой славе Астрахани, о времени, когда она вела большую торговлю с Азовом⁷.

После крупного поражения на Тереке в 1395 г. Тохтамыш скрылся с небольшим отрядом наиболее верных ему людей. По словам Шереф ад-дин Али Иезди, он убежал в сторону Булара⁸.

Что подразумевать под этим географическим именем? Иногда Булар обозначает то же, что и Келар, — Польшу, — но не исключена возможность искажения в рукописях слова «Булгар». В данном случае решать должен контекст.

Упоминание, что место это находится поблизости от «страны мрака», является решающим. Едва ли можно сомневаться в том, что под Буларом мы должны подразумевать страну Булгар или Болгар.

К сожалению, источники не сохранили сведений о том, что предпринял Тохтамыш, чтобы вернуть себе власть в улусе Джучи в том же, 1395 году. Однако по всему видно, что и на этот раз энергичная натура Тохтамыша не могла примириться с поражением, и он деятельно приступил к собиранию новых сил, стремясь вернуться на престол в улусе Джучи. Вернуть Нижнее Поволжье, где у него было немало сторонников, не составляло, повидимому, труда, так как Тимур не ставил себе задачей приобретение земель в юго-восточной Европе. Другое дело — богатый торговыми городами и торговлей Крым. В арабской исторической литературе, составлявшейся в Египте в конце XIV и первой половине XV в., имеется интересное известие о походе Тохтамыша на Крым в 1396 году. По словам Ал-Аскалани, в 799 (т. е. между 5 октября 1396 и 23 сентября 1397 г. н. э.) произошло большое сражение между Тохтамышем и генуэзскими франками⁹. Другой арабский автор — Ибн ал-Форат — уточняет дату происшедших в Крыму событий. Он говорит,

⁶ Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб. 1836; Барбаро И., стр. 94. итальянский текст; русский перевод, стр. 56.

⁷ Контарини А. Указ. соч.; итальянский текст, стр. 169; русский перевод, стр. 90—91.

⁸ Шереф ад-дин Али Иезди. Т. I, стр. 755. Калькутта; Тизенгаузен В. Т. II, стр. 178.

⁹ Тизенгаузен В. Т. I, арабский текст, стр. 451; русский перевод, стр. 454 (Ал-Аскалани).

что Тохтамыш пошёл войной на «владельца» города Каффы и осадил её 17 марта 1396 года¹⁰.

Оба автора единодушны в том, что Каффа принадлежала тогда генуэзцам, которые, повидимому, непосредственно после разгрома Тимуром Золотой Орды, в дни полной политической разрухи и безвластия, захватили в свои руки власть в Крыму.

О походе Тохтамыша в Крым говорит и русская летопись. По словам Никоновской летописи, «Того же лета (6906 = 1398) царь Тохтамыш Большая Орды воевал Поморские грады»¹¹. Под поморскими городами нужно понимать, конечно, упомянутые выше приморские города Крыма. Русская летопись приводит, однако, другую дату: не 1396, а 1398 год. Что это — новый поход Тохтамыша на Крым или противоречивая датировка похода? Повидимому, — второе. Независимо от вопроса о точной дате крымского сражения поход Тохтамыша на Крым свидетельствует о том, что он начал восстанавливать власть свою в Золотой Орде. Можно думать, что Тохтамышу удалось тогда захватить Каффу и удержать её некоторое время в своих руках.

Кастильский (испанский) посол, посланный ко двору Тимура в Самарканд, бывший там в 1404 г., записал в своём дневнике: «Едигуй напал на этот город Каффу, потому что сын Тотамиша оттуда воевал с ним и нанёс большой вред земле; жители города заключили мир с Едигуем, а сын Тотамиша бежал к Тамурбеку»¹². Выгоды своей победы Тохтамыш, однако, использовать не смог. В Золотой Орде у него появился серьёзный, более счастливый соперник в лице Тимур-Кутлука.

Тимур-Кутлук-хан был сыном Тимур-хана¹³. Трудно установить точную дату, когда Тимур-Кутлук впервые появился при дворе Тимура в качестве царевича (оглан). Активно он начинает действовать в свите Тимур-хана лишь с начала военных действий Тимура против Тохтамыша. Низам ад-дин Шами впервые упоминает его имя в связи с походом Тимура на Тохтамыша в 1390 году. Перейдя Ходжендскую реку (Сыр-Дарью), Тимур отправил в качестве авангарда большой отряд во главе с Тимур-Кутлук-огланом, Кунче-огланом и Шейх Али Бохаду-ром¹⁴.

Что же касается Шереф ад-дин Али Иезди, то он первый раз связывает его имя с Тимуром под 790 г. (=1388), т. е. на два года раньше, — когда тот войной отправился на Хорезм, чтобы наказать хорезмшаха Сулеймана из Кунгратской династии Суфи за его поддержку Тохтамыша. И здесь Тимур-Кутлук-оглан выступает, как и в первом случае, совместно с Кунче-огланом.

В дальнейшем мы видим Тимур-Кутлук-оглана в компании с Бело-ордынским эмиром Идике (Едигей) из племени мангиат, с которым судьба связала его надолго. По словам того же Шереф ад-дин Али Иезди, когда Тимур двинулся в поход против Тохтамыш-хана в 1391 г. (19 января), он распределил между эмирами проводников, знающих дорожку. В центре войска, с которым шёл Тимур, в качестве таких вожа-

¹⁰ Тизенгаузен В. Т. I, арабский текст, стр. 357; русский перевод, стр. 364 (Ибн ал-Форат).

¹¹ ПСРЛ 7. XI 1897. Никоновская летопись, стр. 167. В дальнейшем Никоновская летопись.

¹² Рюи Гонзалес де Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.», стр. 342. Издание и перевод И. И. Срезневского. СПб. 1881.

¹³ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 63. Выдержки из сочинения неизвестного автора «Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могуль»; книга, прославляющая генеалогии и родословном древе монгольских султанов.

¹⁴ Низам ад-дин Шами, стр. 112—113. Издание Тауег.

тых (кылауз) были назначены Тимур-Кутлук-оглан, Кунче-оглан и Иди-ке-узбек¹⁵.

В течение всего похода 1391 г. эти три белоордынских эмира были на службе у Тимура, выполняя разные его поручения. После победы Тимура у Кундузи и бегства Тохтамыша, когда они убедились в том, что последний им больше неопасен и что они могут, вернувшись в Улус Джучи, повести среди кочевой знати выгодную им политику, они стали просить Тимура отпустить их в родные земли. Они говорили, что поедут домой, соберут свой иль (подвластные им племена) и приведут их всех с имуществом и скотом к Тимуру. Однако заверения эти не соответствовали их подлинным намерениям. Получив разрешение, они начали устраивать свои дела, готовить передачу престола Тимур-Кутлуку, который как чингисид имел все права занять престол Улуса Джучи.

Ни Тимур-Кутлук, ни Едигей не вернулись, сдержал слово только Кунче-оглан¹⁶, да и тот через некоторое время покинул Тимура (о чём будет сказано ниже).

Тот же рассказ об обманном отъезде от Тимура имеется и у Ибн Арабшаха¹⁷, однако он связан с одним только Едигеем и носит следы литературной обработки, если не является записью сложившейся легенды. Что делал Тимур-Кутлук во время похода Тимура против Тохтамыша в 1395 г., сказать трудно. Ясно только одно, что Тимур-Кутлук, подстрекаемый Иди-ке (Едигеем), воспользовался разгромом Тохтамыша в 1395 г. и повёл энергичную политику на захват ханской власти в Золотой Орде.

Характерно, что после 1395 г. весьма подробные сведения о Золотой Орде и событиях, происходивших в ней, имеются в русской летописи, содержащей по некоторым вопросам такие подробности, которых нет ни у одного из восточных авторов. Осведомлённость русской летописи иногда поразительна. По словам Анонима Искендера, Тохтамыш бежал в Литву, к литовскому князю Витовту, ещё до вступления Тимур-Кутлука на царство¹⁸.

Однако летопись даёт более ясную картину бегства Тохтамыша в Литву и вступления на золотоордынский престол Теми-Кутлука. Выше мы видели, что в 1396—1398 гг. Тохтамыш вёл борьбу за возвращение Золотой Орде оторвавшегося от неё Крыма. В том же, 1398 г. Тохтамыш направил посла к рязанскому князю. Первое время дела Тохтамыша шли весьма хорошо: «Того же лета (1398 г. — А. Я.) в радости велице бывшу царю Тохтамышу Болшиа Орды, от супротивных свободшуся, и послы своя посылающе ко всем странам, имя свое прославляюще, Орду свою наполняяюще»¹⁹.

Однако в самый разгар успехов по восстановлению власти в Золотой Орде на Тохтамыша «внезапу» напал «некий царь, именем Темир-Кутлуй и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Темир-Кутлуй царя Тохтамыша и прогна, и сяде сам на царстве Волжском Болшиа Орды, а Тохтамыш царь побежал к Литовским странам»²⁰.

Тохтамыш прибыл в Киев, к Витовту, со всей большой своей семьёй. Витовт принял его ласково, ибо видел в беглеце силу, которую собирался использовать в целях своей великодержавной политики. Тимур-Кутлук не мог, конечно, спокойно смотреть на пребывание своего

¹⁵ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 159; Шереф ад-дин Али Иезди Т. I, стр. 499.

¹⁶ Низам ад-дин Шами, стр. 125; Тизенгаузен В. Т. II, стр. 118; см. также стр. 171—172 (рассказ Шереф ад-дин Али Иезди).

¹⁷ Тизенгаузен В. Т. I, стр. 467—469.

¹⁸ Там же. Т. II, стр. 133; персидский текст, стр. 238.

¹⁹ Никоновская летопись, стр. 167.

²⁰ Там же, стр. 172.

противника в качестве почётного гостя у литовского князя. Новый золотоордынский хан знал, что в Литве готовится против него заговор, который надо во что бы то ни стало парализовать и сорвать. Вот почему уже в следующем (1399) году он отправляет послов к великому литовскому князю: «Выдай ми царя беглого Тохтамыша, враг бо ми есть и не могу тръпети, слышав его жива суша и у тебе живуща... выдай ми его, а что около его ни есть, то тебе»²¹.

На это Витовт ответил отказом и прямой угрозой войны. И действительно, он начал собирать войско для похода на Золотую Орду. Литературно обрабатывая свой материал, летописец вкладывает в уста хвалящемуся великому литовскому князю Витовту следующие слова: «Пойдем пленити землю Татарскую, победим царя Темир-Кутлуя, возьмём царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царство его царя Тохтамыша, и на Каффе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтракани, и на Заяицкой Орде, и на всём Примории, и на Казани; и то будет всё наше и царь наш»²².

Из этих слов ясно, что Витовт ставил своей задачей вернуть Тохтамышу не только Золотую Орду, но и Заяицкую Орду, т. е. Белую Орду. Иначе говоря, сделать Тохтамыша ханом всего Улуса Джучи в качестве своего ставленника. Витовт мечтал этим путём подчинить себе Орду, что тогда для него по соотношению сил было мало реально. Собрал большое, хорошо оснащённое войско, Витовт в 1399 г. двинулся на татар и разбил лагерь на реке Ворскле.

Конец XIV в. был, повидимому, решающим периодом в оснащении войска огнестрельными оружием в Литве и на Руси. Вот весьма выразительные строки Никоновской летописи: «Витовту стоящу на другой стране реки Ворсколы, во обозе, в кованых телегах на чепех железных, со многими пищальми и пушками и самострелы»²³.

Летописец рассказывает, что Тимур-Кутлук испугался огромного войска Витовта, не решился на сражение и предложил мир. В это время к Тимур-Кутлуку явился ордынский князь Едигей, упомянутый выше эмир Идике из племени Мангыт. Ему удалось преодолеть страх Тимура-Кутлука, отменить его мирные предложения и резко повернуть события в благоприятную для татар сторону.

Став во главе ордынского войска, он начал сражение на берегу Ворсклы с литовскими военными силами и отрядом Тохтамыша, который, по словам Длугоша, польского историка XV в., привёл с собой несколько тысяч татар²⁴. Победа склонилась на сторону Тимур-Кутлука и Едигея. Разгромленное войско Витовта бежало, бросив огромный обоз на разграбление победителей. По словам летописца, «и тако Татарове взяше обоз и телеги кованые утвержденные с чепми железными, и пушки и пищали и самострелы, и богатство многое и великое, златые и серебряные сосуды поимаша»²⁵. Витовт и Тохтамыш бежали. Татары бросились по их следам и опустошили киевские и литовские земли. С Киева они взяли откуп в 3 тыс. рублей, что по тому времени было огромной суммой. Битва в долине реки Ворсклы оказалась роковой для Тохтамыша. Больше он никогда не возникал настолько, чтобы собственными силами вернуть свою власть в Золотой Орде.

Интересный и ценный своими сведениями об Улусе Джучи, впрочем, всегда неточный в хронологии, Аноним Искендера (Муин ад-дин Натанзи) говорит, что Тохтамыш «умер естественной смертью в 800 г. (24 сентября 1397 — 12 сентября 1398) в пределах Тулина»²⁶ (Тюмень).

²¹ Никоновская летопись, стр. 172.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 13.

²⁴ Długosz J. «Dziejów Polskich». Т. III, str. 495. Krakow. 1868.

²⁵ Никоновская летопись, стр. 173—174.

²⁶ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 133; персидский текст, стр. 237.

В этом известии всё верно, кроме даты. И по русским источникам, Тохтамыш умер в Тюмени. Аноним Искендера ошибся, по крайней мере, на 7—8 лет, так как, согласно Шереф ад-дин Али Иезди, Тохтамыш в реджебе 807 г. (январь 1405), за несколько недель до своей смерти, отправил к Тимуру в Отрар, в качестве посла, одного из старейших своих нукеров — Кара-ходжу²⁷. Рассказывая о целях этого посольства, Шереф ад-дин характеризует Тохтамыша как скитающегося по степям, брошенного прежними соратниками, совершенно растерявшегося человека.

Что посольство это не было случайным, а соответствовало перемене отношений между Тимуром и Тохтамышем, видно из рассказа их современника Рюи Гонзалеса де Клавихо, кастильского посла ко двору Тимура в Самарканд. По словам Клавихо, «Тохтамыш, император Татарский, и Тамурбек помирились и стали вместе стараться обмануть Эдигуя». Несколько ниже Клавихо ещё раз подтверждает эту перемену в отношениях: «Этот Тохтамыш и сыновья его живы и в дружбе с Тамурбеком»²⁸.

Эдигей, однако, после поражения на Ворскле не давал Тохтамышу никакой передышки, преследуя его повсюду. По словам Ибн Арабшаха, «дошло до того, что они сразились между собой 15 раз, (причём) раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем»²⁹. Только в шестнадцатый раз победа окончательно склонилась на сторону Идике, и Тохтамыш «пал убитый»³⁰.

Насколько тогда силен был в военном отношении Эдигей, видно из слов того же Клавихо: «Этот Эдигей водит постоянно в своей Орде более двухсот тысяч всадников»³¹.

Прав ли Аноним Искендера, когда говорит, что Тохтамыш умер естественной смертью, сказать трудно. Так или иначе, но Тохтамыш, причинивший столько зла Руси и народам Мавераннахра, окончательно сошёл с исторической сцены вскоре после отправления своего посольства к Тимуру в Отрар, в январе 1405 года.

В русской историографии давно сложилось представление об Едигее как об одном из наиболее коварных и хищных ордынских правителей. Это представление покоится на наиболее ценном и полном источнике по истории русско-татарских отношений конца XIV и начала XV в. — русской летописи. Говорим — «наиболее ценном и полном источнике», так как восточные (арабские и персидские) источники почти совсем не касаются русско-татарских отношений и заключают в себе важные сведения об Едигее, относящиеся к первому и последнему периодам его деятельности, а в остальном касаются лишь золотоордынской обстановки и отношений Золотой Орды к Средней Азии и Кавказу. Характерно, что восточные источники никакой симпатии к Едигею не проявляют и склонны считать его человеком неверным, который легко изменяет своему слову. Исключение в известной мере представляет Ибн Арабшах, да и то потому, что он очень не любил Тимура, в силу чего гостов был оправдать любого его противника. Едва ли в исторической науке мог бы сложиться иной образ Едигея, если бы не было его идеализации по другой линии.

²⁷ Шереф ад-дин Али Иезди, II, стр. 647 сл.

²⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 341—342.

²⁹ Тизенгаузен В. Т. I, стр. 470.

³⁰ Там же, стр. 471. По данным Софийской второй летописи, Тохтамыша убил Шадибек в Сибирской земле в 1406 году. Т. VI, стр. 133; см. также Софийская первая летопись. Т. V, стр. 256.

³¹ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 341.

Дело в том, что параллельно с исторически существовавшим Едигеем есть ещё Едигей — герой ногойского эпоса, причём эпоса явно феодального, составленного в угоду кочевьей знати.

Переносить характеристику личности Едигея из этого бегско-феодального эпоса в историю, из легенды в историческую действительность — значит совершать большую ошибку, искажать историю, что иногда и делается в националистически-шовинистической историографии, служащей только интересам пантюркистов.

Об Едигее имеются небезыңтересные мысли у В. В. Бартольда в статье «Отец Едигея»³². В. В. Бартольд далёк от идеализации личности Едигея. Он писал, что если отрешиться от легенды и придерживаться истории, то основной чертой его характера явится неверность. «Покинув Урус-хана, — пишет В. В. Бартольд, — и порвав с отцом ради Тохтамыша (был ли он нукером последнего, как уверяет Абулгази, из истории Тимура не видно), Едигей потом изменил самому Тохтамышу и снова примкнул к Тимуру в 1391 г.»³³, которому он позже также изменил.

Единственный из восточных авторов — Ибн Арабшах — даёт описание наружности Едигея: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронцательности и сообразительности»³⁴.

На исторической арене Едигей появился почти одновременно с Тохтамышем. Согласно Шереф ад-дин Али Иезди, в то время, как Тимур находился в окрестностях Бухары, а Тохтамыш в 778 г. (1376 — 1377) бежал после поражения, нанесённого ему сыном Урус-хана — Токтакиа, в ставке Тимура появился Едигей, один из эмиров Улуса Джучи, бежавший от Урус-хана с известием, что последний с большим войском двинулся против Тохтамыша³⁵.

Это было время дружеских отношений между Едигеем и Тохтамышем. В дальнейшем Едигей служил до 1391 г. Тимуру, помогая ему в борьбе с Тохтамышем. После победы над Тохтамышем Едигей, как мы видели выше, вместе с Тимур-Кутлуком и Кунче-огланом обманым путём ушёл в родные кочевья, движимый жаждой власти. Едигеем нельзя отказать в кипучей энергии. Не теряя времени, он искал способа стать фактическим правителем Золотой Орды. Он хорошо знал, что, не будучи Чингисидом, он не может претендовать на ханский престол, почему и желал иметь подставного хана в лице Тимур-Кутлук-оглана, внука Урус-хана. По словам Ибн Арабшаха, «он не мог присвоить себе названия султана, потому что таким, будь это возможно (непременно) провозгласил бы себя Тимур, завладевший (всеми) царствами. Тогда он (Идигу) поставил от себя султана и в столице возвёл (особого) хана»³⁶. Ещё более определённо в этом смысле высказывается рогожский летописец. Вот как он характеризует положение Едигея в Золотой Орде: «Преболи всех князей ордыньских, иже всё царство един держаше, и по своей воле царя поставляше его же хотяше»³⁷.

Положение Едигея в Улусе Джучи точно определяет ярлык Тимур-Кутлука от 800 г. хиджры (1397—1398): «Моё — Тимур Кутлугово слово:

³² «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Т. I (58), стр. 18—23. Симферополь. 1927.

³³ Там же, стр. 21.

³⁴ Тизенгаузен В. Т. I, стр. 473.

³⁵ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 148; персидский текст Шереф ад-дин Али Иезди. Т. I, стр. 277.

³⁶ Там же, стр. 469—470.

³⁷ Рогожский летописец, стр. 178, издание 1922 года. Почти теми же словами характеризует Едигея и Никоновская летопись, литературно обработавшая рассказ об Едигее Рогожского летописца: «Сей князь Едигей Ордыньский являше всех князей ордыньских и всё царство Ордыньское един држать и по своей воле царя поставлять, его же хотяше». Никоновская летопись, стр. 200.

правого крыла (и) левого крыла уланам, тысяцким, сотским, десятским бегам во главе с темником Едигеем»³⁸. Таким образом, согласно ярлыку, он является главой всего войска Улуса Джучи.

Возвратимся, однако, к правлению Тимура-Кутлука. Следует вспомнить, что именно с его именем и связан самый ценный ярлык из небольшого числа сохранившихся от Золотой Орды. Мы имеем в виду так называемый подтверждательный тарханный ярлык, данный Тимур-Кутлуком в 800 г. хиджры (1397 — 1398), в первый год его царствования. Несмотря на значительную разруху в золотоордынском государстве в связи со всеми вышеупомянутыми распрями, государственный аппарат по взиманию с населения разных налогов, податей и повинностей продолжал действовать. Не входя в рассмотрение содержания ярлыка и его исторического значения, что не раз являлось предметом исследования, следует только обратить внимание на одну сторону вопроса. Ярлык выдан на имя некоего землевладельца Мухаммеда, сына Хаджи Байрама, жившего в окрестностях Судана. Ярлык подтверждает тархан, который в семье указанного лица переходит из поколения в поколение. Особенностью тархана является то, что только землевладелец освобождается от платежей налогов, податей и повинностей в пользу государства; что же касается земледельца, то он продолжает платить всё, что платил прежде, только теперь не в пользу государства, а в карман помещика.

Как и в других монгольских государствах, подати, налоги и повинности были многочисленны и весьма тяжелы для земледельцев. Уже одно перечисление этих тягот объясняет многое в социальной истории Золотой Орды. Тут и «повинности с виноградников», «амбарные пошлины», «плата за гумно», «ясак с арыков», «калан» — подать с возделанных участков, пошлины с купли и продажи, «гербовые пошлины», «весовые», «дорожная плата», обязательная поставка «подвод», «постой», «пйло и корм» для скота, «чрезвычайные налоги» и др. Нечего и говорить, какое огромное податное бремя лежало на оседлом и культурном населении золотоордынского государства.

Что, собственно говоря, связывало оседлое население Крыма, Болгар и других культурных районов Золотой Орды с золотоордынской властью? Только ненависть к чуждой по языку, религии и всегда насильственной и эксплуататорской власти. Пока Золотая Орда была сильна и внутри свой кочевой аристократии едина, она легко справлялась с разноплеменным составом своего населения; когда же в ней наступили смуты и её войска стали терпеть поражение, все чуждые татаро-монголам племена и народы радовались всякой неудаче этой власти и с надеждой на улучшение своего положения ютились от неё.

С приходом к власти Тимур-Кутлука (фактически Едигея) Золотая Орда вновь на короткое время окрепла, но это была лишь последняя вспышка догорающего огня. Золотая Орда, чтобы вернуть на какие-нибудь полтора десятилетия хотя бы тень былого могущества, должна была мобилизовать все приёмы и методы насилия и коварства, к которым она прибегала в своей истории. Едигей и оказался в этом отношении наиболее подходящей фигурой благодаря своим личным качествам.

Согласно летописцу, «Едигей князь велики бе во всей Орде, и могуществен и крепок и храбр зело»³⁹. Вместе с тем он же «лукавый и злохитрый»⁴⁰, способный на любой коварный и злой поступок для достижения своих целей.

³⁸ Самойлович А. «Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга». «Известия Академии наук». 1918, стр. 1122.

³⁹ Никоновская летопись, стр. 173.

⁴⁰ Там же, стр. 206.

Но события конца XIV — начала XV в., как уже сказано, были только последней вспышкой. Ни Едигею, ни его подставным ханам не удалось преодолеть неумолимый ход истории. Русь и Золотая Орда шли разными путями. Русские княжества, несмотря на свою феодальную раздробленность, находились уже в полосе большого подъёма производительных сил не только сельского хозяйства, но и городского ремесла, продукция которого росла вместе с развитием городов на Руси.

Всё это содействовало углублению и укреплению товарно-денежных отношений внутри страны и росту торговли с соседями. Экономически Русь была уже сильнее, она сама производила, жила за счёт своих собственных ресурсов, никого не грабя и не насилуя.

Позволим себе привести только два значительных факта, которые могут быть иллюстрацией к сказанному. В области военной техники Русь стояла весьма высоко, во всяком случае, выше татар. Рассказывая о битве Витовта с татарами на Ворскле в 1399 г., мы отметили высокий технический уровень оснащения литовского войска. Такую же военную технику имела и Русь. А вот другой пример. Едигей «посла во Тверь к великому князю Ивану Михайловичу Тверскому царевича Булата да князя Ериклибердия, веля ему часа того быти на Москву с пушками, и с тюфяки, и с пищальми, и с самострелы»⁴¹. Произошло это в 1409 году. Высокая военная техника — продукт развития города и городского ремесла.

Не менее интересной и ценной может быть ещё одна категория фактов. В XIV — начале XV в. не татары, а русские были хозяевами и водителями судов на Волге. По словам Никоновской летописи, 20 июля 1407 г. «князь великий Иван Михайлович Тверский поиде во Орду в судех по Волзе ко царю Шадибеку»⁴². Конец XIV и начало XV в. — это уже время, когда Европа, в том числе и Русь, начинает опережать культурное развитие Востока, а Золотая Орда никогда не была передовым участком Востока.

После походов Тимура золотоордынские города, их ремёсла и торговля были, как мы выше видели, в полном упадке. Производительные силы были в расстройстве, казна государства могла держаться только за счёт грабежа и насилий. В отличие от Руси никакой внутренней связи между населением и золотоордынской властью не было, не говоря уже о непреодолимых смутах внутри кочевой тюркско-монгольской знати. Вот в этой обстановке объединение русских феодальных княжеств в единое, централизованное государство, как мощное орудие уничтожения Золотой Орды, становилось всё большей необходимостью исторического развития России.

18 февраля 1405 г., в холодную зимнюю ночь, Тимур скончался в упомянутом выше Отраре, во время своего незавершённого похода на Китай. Смерть грозного среднеазиатского эмира имела в истории Передней Азии огромное значение. В государстве Тимура настали смуты, началась феодальная борьба за «тимурово наследство», приведшая к тому, что в Средней Азии никто больше не вмешивался в дела Восточной Европы. После смерти Тимура в Мавераннахре не нашлось никого, кто мог бы нанести новый удар Золотой Орде. Более того, наступившие смуты в Мавераннахре, связанные с борьбой за «тимурово наследство», привели к тому, что Едигею на несколько лет удалось захватить Хорезм, что, согласно Абд ар-Реззака Самарканди, произошло в 1406 году⁴³.

Один из преемников Тимура — Улутбек (1409—1449), великий учёный на троне, — как известно, не смог справиться даже с Белой Ор-

⁴¹ Никоновская летопись, стр. 209.

⁴² Там же, стр. 201.

⁴³ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 193; персидский перевод, стр. 253.

дой и её притязаниями. Задача ликвидации золотоордынского государства легла теперь целиком на плечи одной Московской Руси. В XV в. эта важная задача была выполнена Москвой, однако на пути полного освобождения от татар лежали ещё значительные препятствия, и одно из них — последняя по времени попытка возродить Золотую Орду к новым грабительским походам на Русь, которую осуществил эмир Едигей.

В 1400 г., по словам летописи, «умре во Орде царь Темир-Кутлуй и по нем сяде Шадибек на царствии Большая Орды Волжская»⁴⁴.

Нумизматические данные подтверждают сведения письменных источников (восточных и русских) о годах царствования Тимур-Кутлука. Он чеканил монеты в Орду ал-Джадид, Сарае, Белаве Крым, Сарае ал-Джадид, Хаджи-Тархане, т. е. на всей территории Золотой Орды в годы 800 — 802 (1397 — 1400).

Упомянутый выше Аноним Искендера (Муин ад-дин Натанзи) приводит некоторые небезынтересные подробности смерти Тимура-Кутлука: «Тимур-Кутлук так много пил, что однажды он заснул после длительного пьянства»⁴⁵.

В Улусе Джучи наступили беспорядки, и Едигей стал искать нового Чингисида. Такового он и нашёл в лице Шадибека, сына Кутлука⁴⁶. Шадибек ещё в меньшей мере был самостоятельным государем, чем его предшественник Тимур-Кутлук. По словам Анонима Искендера, Шадибек всю свою жизнь проводил в удовольствиях и наслаждениях⁴⁷. Полным хозяином в Золотой Орде стал эмир Едигей. Он вмешивался во все дела, сам устанавливал порядки, и «люди из привольности попали в стеснение»⁴⁸. Шадибеку положение это не нравилось, и он захотел освободиться от деспотического временщика. Однако Едигей проведаль об этом и готовил контрмеры. В самый разгар «замятни» в Золотой Орде в 1407 г. прибыл на судах по Волге из Твери великий князь Тверской⁴⁹. В развернувшейся борьбе победил Едигей. Что же касается неудачливого хана Шадибека, то он бежал в Дербенд, где и нашёл убежище у дербендского эмира Шейха Ибрахима. Здесь, в изгнании, он и умер⁵⁰. Едигей добивался через своих послов у Шейха Ибрахима выдачи беглеца, однако дербендский эмир в этом ему отказал⁵¹.

По нумизматическим данным, Шадибек царствовал с 1400 г. по 1408 г., что совпадает с известиями письменных источников, в том числе и русской летописи. Чеканил монеты Шадибек в Орду ал-Джадид, Каффе, Каффе ал-Джадид, Орду Булгаре, Сарае ал-Джадид, Хаджи-Тархане, Орду ал-Муазам, Хаджи-Тархане ал-Джадид, Белаве Азак, Крым-Джадид и Хорезме с 802 г. по 810 год. Чеканка монеты в Хорезме в 807, 809 и 810 гг. хиджры указывает на зависимость Хорезма в это время от Золотой Орды. И действительно, Абд ар-Реззак Самарканди сообщает, что Едигей захватил Хорезм в реджебе 808 г. (23/XII 1405 — 21/I 1406).

Большой интерес представляют монеты, чеканенные Шадибеком на Кавказе. Он чеканил их в Дербенде и Баку. Дербендские монеты дошли до нас от 811, 813 и 815 гг. хиджры. Самый факт этой чеканки говорит о том, что он продолжал считать себя законным государем Золотой Орды и в то время, когда там был другой хан.

⁴⁴ Никоновская летопись, стр. 183.

⁴⁵ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 133; персидский текст, стр. 238.

⁴⁶ Там же, стр. 63 (см. Муизз).

⁴⁷ Там же, стр. 133; персидский текст, стр. 253.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Никоновская летопись, стр. 201—202.

⁵⁰ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 134; персидский текст, стр. 238.

⁵¹ Там же.

Место Шадибека в Золотой Орде, по словам Никоновской летописи, занял Булат-Салтан⁵². Летопись ничего не говорит о его происхождении. По словам Шереф ад-дин Али Иезди, Булат, точнее Пулад, был сыном Шадибека⁵³. В восточных источниках он известен под именем Пулад-хана. Едигей всячески старался поднять могущество и престиж Золотой Орды, прибегая для этого ко всем испытанным татарами средствам. Булат-Салтан (Пулад-хан) требовал, чтобы русские князья, как и прежде, ездили в Орду, получали из рук ханов ярлыки на княжение, привозили бы подарки, разрешали бы у золотоордынского престола споры друг с другом, как у верховного судьи и т. д. Так, в первый год правления Булат-Салтана (Пулад-хана), т. е. в 1407 г., состоялась тяжба по вопросу о великом княжении тверском у Ивана Михайловича Тверского с Юрием Всеволодичем Тверским, разрешенная ханом в пользу первого. В 1408 г. Булат-Салтан ходил войной на Литву. Вскоре до Руси стали доходить слухи, что в Орде готовят поход на Москву. В ноябре 1409 г. «прииде Татарин из Орды на Москву, поведя великому князю Василию Димитреевичу, яко «князь велики Ординьский Едигей хочет воевати землю твою»⁵⁴. И действительно, через месяц, в декабре 1409 года, на русскую землю напало большое татарское войско во главе с Едигеем. Вместе с Едигеем пришли в качестве военачальников четыре царевича и наиболее видные эмиры Орды. Страницы Никоновской летописи, посвященные этому походу, весьма интересны и ценны. Рассказ представляет собой продукт большой литературной обработки и пропитан наскавозь глубокой патриотической идеологией. Однако литературная обработка не снижает его значения как достоверного источника. В основе рассказа о событиях 1409 г. Никоновской летописи, составленной около 1556 г., лежит Рогожская летопись, близкая по времени изучаемой эпохе. Если мы и предпочитаем цитировать Никоновскую летопись, то только в силу того, что в ней события изложены более ярким языком, причём, кроме фактов, рассказанных у Рогожского летописца, она приводит столь же достоверные дополнительные сведения.

Рассказ обнаруживает, что летописец прекрасно ориентировался не только в собственно русских делах, но и в основах золотоордынской политики. Он хорошо знаком с рядом деталей татарской жизни, а данная в летописи близкая к произношению транскрипция тюркских имён в перечне татарских царевичей и эмиров, участвовавших в походе Едигея 1409 г., — лучший этому показатель. Приведём несколько примеров этой транскрипции: князь Обрягим Тимирязев сын, князь Ериклибердей, Булад царевич и т. д.

Поход Едигея на Русь был тяжёлым для неё испытанием. Татары жгли, грабили и убивали с особой жестокостью. Вместе с тем становилось ясным, что успехи татар обусловлены не военной слабостью Руси, а отсутствием единой организационной воли, наличием феодальных распрей между князьями и исключительной доверчивостью русских к словам и обещаниям коварного татарского князя Едигея. Летопись подробно останавливается на этой стороне трагических событий и поднимается в этом отношении до больших высот государственной мысли.

Татар летопись изображает хитрыми и коварными политиками. Так как в описываемое время, т. е. в начале XV в., татары в лице господствующего класса были уже мусульманами, то летописец именует их измаилтянами.

Вот как он характеризует их дипломатические приёмы и обычаи: «Аще убо когда немнози обрящутся Измаилтяне, тогда лестно и злоковарно и мир и любовь сотворяют, и дары и честь дают, и тем зло-

⁵² Никоновская летопись, стр. 202.

⁵³ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 146.

⁵⁴ Никоновская летопись, стр. 205.

хитростью своею крыют и яд свой тайно имеют, и мир глубок обещают, и таковым пронирьством Русских князей друг з другом враждуют и от любви их отлучают, и особную рать межи их составляют, и в той разности сами в тайне подкродают их злии волцы христианом обретаются научением отца их сатаны»⁵⁵.

Согласно летописи, вышеуказанные качества татарской внешней политики нашли своё наиболее яркое выражение в Едигее. Прекрасно ориентируясь в междукняжеских отношениях на Руси, желая во что бы то ни стало ослабить её, Едигей поставил себе первой задачей столкнуть московского великого князя Василия Дмитриевича с Витовтом, великим князем литовским, владевшим тогда Киевом: «Многу же любовь лукавную имеяше и к великому князю Василию Дмитриевичу и честію высокою обложи его и дары многими почиташе»⁵⁶.

Едигей разжигал у Василия Дмитриевича вражду к Витовту, толкал его на военное столкновение, обещал помощь со стороны татарского войска. Вместе с тем, видя, что ему удаётся разжечь в московском князе вражду, он отправляет тайного посланца к литовскому великому князю и передаёт ему: «Ты мне буди друг, а я аз тебе буду друг; а зятя своего князя Василья Дмитриевича Московского познавай, яко желателен бе в чюжия пределы вступатися и не своя восхищати, и се убо и тебе подвизается ратовати и твоя пределы возхищати; блюдиши убо от него... сребра и злата посылает ко мне и ко царю, чтобы или аз сам, или царя увидал со всею Ордою полные ратью на тебя и пленити и жещи землю твою...»⁵⁷.

Едигей добился своего. Василий Дмитриевич отправился походом на Литву и воспользовался при этом татарским отрядом, присланным ему в помощь. Началась упорная борьба двух князей — литовского и московского. В результате обе стороны пролили много крови, потеряли много людей, опустошили города и селения. Выиграли только татары.

Едигей не остановился на этом и решил одним ударом покончить с московским великим князем. Он отправил вторичное посольство к Василию Дмитриевичу со словами: «Ведый буди, Василіе, се идеть царь Булат-Салтан со всею великою Ордою на Витовта, да мстит, колико есть сотворил земли твоей, ты же воздаждь честь цареви»⁵⁸.

И на этот раз Едигею удалось коварством достигнуть нужного результата и отвлечь внимание московского князя от грозящей опасности. С горечью сообщает летописец, что «князь великы Василій Дмитриевич не успе ни мало воинство собрать»⁵⁹. Летопись не жалеет красок при описании того ужаса, какой испытали русские земли, когда на них неожиданно, как разбойники и грабители, обрушились татарские войска. Хотя великий князь Василий Дмитриевич за месяц был предупреждён о походе Едигея на Русь, но Едигей сумел убедить московского великого князя в том, что войска его направлены против Литвы.

Опустошив целые районы, татары подошли к окрестностям Москвы и начали готовиться к осаде столицы. «Сам бо Едигей князь ко граду Москве не приступаше, ни посылаше, но хотяше зимовать и всячески взяти ю и гордяше и превъзносящеся много, и посла во Тверь к великому князю Ивану Михайловичу Тверьскому царевича Булата, да князя Ериклибердея, веля ему часа того быти на Москву с пушками, и с тюфяки, и с пищалми, и с самострелы». Тверской князь не пошёл на предательство и постарался уклониться от выполнения требований

⁵⁵ Никоновская летопись, стр. 206; Рогожский летописец, стр. 179.

⁵⁶ Никоновская летопись, стр. 205. См. также Рогожский летописец, стр. 177—178. 1922. Сравнение обоих текстов показывает, что Никоновская летопись почти без всяких изменений переписывает Рогожского летописца.

⁵⁷ Никоновская летопись, стр. 206.

⁵⁸ Там же, стр. 208.

⁵⁹ Там же.

Едигея. Осада Москвы, однако, не удалась. К Едигею «в то время из Орды придоша от царя Булат-Салтана скоропосолницы веляше ему быти у себя во Орде без всякого пождания», так как там вновь началась «замятня», появился некий царевич — Чингисид, желавший убить Булат-Салтана и захватить ханский престол⁶⁰. Едигею пришлось снять осаду Москвы и с войсками вернуться на Волгу.

Восточные источники, как и следовало ожидать, ничего не говорят о походе 1409 г. Едигея на Русь, зато под этим годом у них имеется сведение о посольстве из Золотой Орды к Шахруху в Герат. 1409 год, как известно, — важная дата в истории Средней Азии. Там только что закончились смуты, связанные с борьбой за «тимурово наследство». В 1409 г. в Самарканд въехал победителем Тимурид Шахрух вместе с своим сыном Улугбеком — внуком Тимура, которому он передал управление Мавераннахром. По случаю этого важного события в Самарканде был большой праздник. По словам Абд ар-Реззака Самарканди, когда Шахрух вернулся в Герат, к нему прибыли послы от Пулад-хана (Булат-Салтана) и Эмира Идигу-бахадур (Едигея). Характерно, что Абд ар-Реззак Самарканди ставит Едигея на одну доску с Пулад-ханом и говорит, что они «были обладателями власти в Дешт-и-Кипчаке и странах узбекских»⁶¹. Шахрух принял посольство Едигея по всем правилам восточного дипломатического этикета. Произошёл обмен подарками. Золотоордынские послы вручили Шахруху кречетов и других охотничьих птиц, которые очень ценились при дворах Ирана и Средней Азии, а Шахрух, в свою очередь, одарил посланников «царственными шапками и поясами». Богатые подарки он передал также для Пулад-хана и эмира Идигу. Повидимому, посольство Золотой Орды носило поздравительный характер и ставило своей задачей установление мирных отношений, прерванных ещё со времён Тимура и Тохтамыша. Насколько тогда расценивались на Востоке временные успехи Золотой Орды, видно хотя бы из того факта, что Шахрух предложил послам Булат-Салтана и Едигея просить в Золотой Орде царевну из чингисидов в жёны одному из его сыновей — мирзе Мухаммеду Джуки Бохадур⁶². Едигей был явно доволен своим положением и считал себя в зените славы. В этом и сказалась недалёковидность его политики. Он слишком увлёкся своими внешними успехами, считая, что вернул не только земли, подвластные Тохтамышу, но и Хорезм, который отпал от Золотой Орды ещё в начале 60-х годов XIV в., что он ослабил Русь и добился признания со стороны наиболее крупного государя мусульманского Востока, каким был в 1409—1410 гг. Тимурид Шахрух, сидевший в Герате. Успех был явно показной, так как Русь крепла, несмотря на трагедию 1409 г., с исключительной быстротой, а внутри самой Орды не ликвидированы были сепаратистские силы. Феодальная «замятня» не прекращалась. Хотя главный враг Едигея, Тохтамыш, умер, но остались его сыновья. Согласно упомянутому выше «Муиззу»⁶³, у Тохтамыша было от разных жён и наложниц 13 сыновей; наиболее авторитетный из них, Джелал-ад-дин, известен летописи под именем Зелени-Салтана Тохтамышевича.

Великий князь московский Василий Дмитриевич не пал духом после коварного нападения Едигея на русские земли и стал готовиться к отпору. Согласно полученным Едигеем сведениям, в Москве нашли приют «тохтамышевы дети». Василий Дмитриевич явно стремился использовать этих золотоордынских царевичей против Едигея и Пулад-хана. Более того, московский великий князь перестал оказывать золотоордынским посланцам какие бы то ни было знаки внимания. По словам

⁶⁰ Никоновская летопись, стр. 209.

⁶¹ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 192; персидский текст, 252.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, стр. 62.

Никоновской летописи, Едигей не выдержал этого отношения Москвы и не только запросил о сыновьях Тохтамыша, но и сетовал на дурное обращение Москвы с послами и торговыми людьми Золотой Орды. Летописец приписывает одному из посланий Едигея, написанному ещё в том же, 1409 г., следующие слова: «Послы царёвы и гости из Орды к вам приезжать, и вы послов и гостей на смех подымаете, да ещё велика имь обида и истома у вас чинится. Ино то не добро, а прежде сего улус был царёв и дръжаву дръжил, и пошлыны и послов царёвых чтили, и гостей дръжали без истомы и обиды»⁶⁴.

Уже этих слов, приписываемых летописью посланию Едигея, достаточно, чтобы почувствовать поворот к открытому сопротивлению и даже наступлению Москвы на Орду. И тем больше чести московскому князю, которого можно было не раз упрекнуть за излишнюю осторожность, а иногда и просто нерешительность, в том, что он занял наконец решительную позицию в момент, наиболее для себя тяжёлый, — в год пожаров, опустошений и голода.

На этот раз события сложились для него благоприятно. «Замятня» в Орде усилилась, сыновья Тохтамыша во главе с Джелалад-дином (Зелени-Салтаном) из Москвы переехали за помощью на Литву, к Витовту. В 1410 г. умер, согласно Абд ар-Реззака Самарканди, Пулад-хан (Булат-Салтан), и на золотоордынский престол вступил Тимур-хан, сын Тимур-Кутлук-хана⁶⁵, который, по словам Абд ар-Реззака, выступил против Едигея⁶⁶. Весьма кратко, но те же сведения по этому вопросу переданы и в летописи: «Тое же зимы сяде на царство во Орде царь Темир, и Едигей князь в мале убежа»⁶⁷. Монеты с именем Пулад-хана чеканились с 810 по 816 г. (= 1407 — 1413). Однако было бы неправильно думать, что он жил и после 1410 г., так как следующий государь Золотой Орды монеты свои чеканил в годы 813—814 (= 1410 — 1412). Не исключено, что Едигей после восстания Тимур-хана продолжал чеканить монеты от имени Пулад-хана. Последний чеканил свои монеты в Сарае ал-Джедид, Булгаре, Булгар ал-Джедид, Орду Каффе, Азаке ал-Махрус, Ховарезме, Сарайчуке, Хаджи-Тархане и Раджане.

Повидимому, враждебные отношения между Едигеем и Тимур-ханом установились не сразу. И этот золотоордынский хан был посажен Едигеем. Более того, последний даже породнился с новым ханом, отдав ему в жёны свою дочь. Так рассказывает о событиях Аноним Искендера⁶⁸. Однако Тимур-хан сумел склонить симпатии кочевой знати на свою сторону и повёл борьбу с узурпатором эмиром Едигеем.

Обе группы источников, восточные историки XV в. и русская летопись, согласно рассказывают, что в самом начале этой борьбы на Улус Джучи напал Джелал ад-дин со своими братьями-царевичами. Всё это произошло в 1411 г.: «Того же лета (1411 г.) Тохтамышев сын Салтан (Зелени-Салтан. — А. Я.) взял изгоном Ординские улусы и пограбил»⁶⁹. 1410—1411 годы были переломными в жизни Едигея. Звезда его начала закатываться, и он уже никогда больше не возвращался к недавнему могуществу.

Не имея сил победить Тимур-хана, Едигей бежал в Хорезм, где, как ему казалось, позиции его были сильны и крепки. По дороге, в десяти днях пути от Хорезма, Едигей, по словам Абд ар-Реззака Самарканди, был разбит отрядом Тимур-хана. В сопровождении небольших остатков своих сторонников Едигей прибыл в Хорезм в начале 814 г. (= 25/IV 1411 — 12/IV 1412). Здесь и осаждали его в течение

⁶⁴ Никоновская летопись, стр. 210.

⁶⁵ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 193; персидский текст, стр. 253. Аноним Искендера Тимур-хана именует Тимур-султан. Указ. соч., стр. 134.

⁶⁶ Там же, стр. 193.

⁶⁷ Никоновская летопись, стр. 215.

⁶⁸ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 134; персидский текст, стр. 238—239.

⁶⁹ Никоновская летопись, стр. 215.

$\frac{1}{2}$ года войска Тимур-хана. В это время пришло известие, что Джелал-ад-дин, пользуясь отсутствием Тимур-хана (он тоже отправился в Хорезм на борьбу с Едигеем), захватил власть в Золотой Орде. Создалась сложная ситуация. Против Едигея были отряды Тимур-хана и Джелал-ад-дина, оба друг другу враждебные. Один из военачальников Тимур-хана, Газан, поспешил разрешить «сложную ситуацию» изменой своему государю⁷⁰. Газан приказал своему нукеру убить чичего не подозревавшего Тимур-хана, после чего и перешёл на службу к Джелал-ад-дину (Зелени-Салтану). Таким образом, на одного соперника и врага стало меньше. Тимур-хан царствовал всего лишь два года (1410—1412). Джелал-ад-дин поручил своему военачальнику Каджулай боха-дуру покончить с Едигеем. У Едигея воинов было меньше, тем не менее в происшедшем сражении Каджулай был разбит. Абд-ар-Реззак Самарканди подробно рассказывает об этом эпизоде. Едигей, как и всегда, прибег к хитрости. В соответствии с испытанными у кочевников древними приёмами устройства засад Едигей разделил свой отряд на две группы. Одну отправил в бой против войск Каджулая, а другую спрятал в засаду. Первой группе он приказал в самый разгар боя бежать и по дороге разбросать приготовленные для этого «конские попоны и торбы», а также другие предметы конского снаряжения, чтобы у противника было впечатление полного разгрома войска Едигея. Когда первая группа выполняла предписание своего эмира и побежала, Каджулай решил, что Едигей наголову разбит, и спокойно двинулся дальше; тогда из засады появился Едигей и, как ураган, налетел на него со своим отрядом. В сражении этом Каджулай погиб. Едигей вернулся в Хорезм победителем, с большим количеством пленных и огромной добычей. На пленных Едигей надел оковы, охрану же их поручил жителям города (восстановленного в 1391 г. Уртенча). Охране было сказано, что за каждого убежавшего убьют не только сторожившего его, но и всех жителей его квартала⁷¹. Нечего и говорить о том страхе, который пережили жители города. Это произошло в 815 г. хиджры (= 1412—1413).

Выше мы видели, что когда Едигей был в зените своего могущества, Шахрух с исключительным вниманием принял его послов и даже готов был породниться с ним. Теперь же, когда слава Едигея померкла, он отправил военный отряд в Хорезм, чтобы вернуть его в состав тимуридских владений. Однако отряд этот после ряда неудач вернулся назад. Придавая возвращению Хорезма большое значение, Шахрух отправил туда второй отряд, на этот раз во главе с Шах-меликом, бывшим опекуном Улутбека. Шах-мелик проявил в борьбе за Хорезм много умения и политического такта. Он хорошо использовал слабые стороны правления Едигея и его сына в Хорезме и Ургенче (поборы и насилия) и переманил жителей на свою сторону. По словам Абд-ар-Реззака Самарканди, «сейиды, учёные и сановники города вышли (к ним) с подарками и подношениями и сдали город»⁷², т. е. столицу Хорезма Ургенч.

Таким образом, в 816 г. (= 3/IV 1413 — 22/III 1414) Едигей был выбит из Хорезма, который он удерживал мерами насилия, имея лишь небольшое количество преданных ему приближённых и нукеров.

За год до потери Едигеем Хорезма в Золотой Орде произошла новая смена ханов. В 1412 г., по словам летописи, «злой наш недруг царь Зелени Салтан Тахтамышевичь умре, застрелен на войне от своего брата Крым-Бердея»⁷³.

⁷⁰ Тизенгаузен В. Т. II, стр. 193—194; персидский текст, стр. 253—254.

⁷¹ Там же, стр. 194; персидский текст, стр. 254.

⁷² Тизенгаузен В. Т. II, стр. 195; персидский текст, стр. 255.

⁷³ Никоновская летопись, стр. 219.

В восточных источниках мне не пришлось встретить известия об обстоятельствах смерти Джелал-ад-дина. Но в нумизматических данных сведения русской летописи находят полное подтверждение.

Последние годы жизни Едигея мало отражены в источниках.

Он ещё играл роль в Золотой Орде и, повидимому, владел какой-то её частью, быть может, даже Крымом. У упомянутого выше известного польского историка Яна Длугоша, жившего в XV в., имеются сведения, что Едигей напал в 1416 г. на Киев и его окрестности, которые пожёг и ограбил⁷⁴. По мнению специалистов, к Длугошу нужно относиться с осторожностью и без критической проверки нельзя полагаться на его рассказ. Однако мы имеем для того же, 1416 г. весьма интересное известие о жене Едигея у египетских историков XV в., писавших на арабском языке. По словам ал-Макризи, в 1416 г. жена Едигея прибыла в Дамаск, откуда собиралась в сопровождении предоставленных, повидимому, мужем, 300 всадников, сделать хаджж в Мекку⁷⁵. Ал-Аскалани к этим словам добавляет, что хаджж этот жена Едигея совершила с сирийским караваном⁷⁶. Совершить хаджж в Мекку в сопровождении 300 всадников могла только весьма влиятельная особа, жена если не государя, то, во всяком случае, сильного правителя. Сам по себе этот факт не может не подчеркнуть значительной роли, которую тогда играл Едигей в качестве владельца какой-то области. Мы предполагаем, что этой областью был Крым, так как отправиться из восточных областей Золотой Орды с 300 всадниками через вражеские территории было бы опасно.

У Яна Длугоша имеется ещё одно известие об Едигее под 1419 годом. Польский историк сообщает, что в этом году Едигей прислал к Витовту посольство с большими подарками, в том числе 3 верблюдов и 27 прекрасных коней под красными покрывалами. С посольством он отправил предложение о мире и союзе⁷⁷.

Это—последнее известие об Едигее в европейских источниках. Что касается восточных источников, то под тем же 1412 г. говорится уже о смерти Едигея. Здесь мы имеем два рассказа: один—Ибн Арабшаха, другой—ал-Айни. Ибн Арабшах говорит о месте гибели Едигея: «Продолжались смуты да раздоры между царями владений кыпчацких, пока, наконец, Илику, раненый, потонув, не умер. Его вытащили из реки Сейхуна, у Сарайчука и бросили на произвол судьбы»⁷⁸.

Более подробные сведения имеются у арабского историка XV в. из Египта, также современника Едигея—ал-Айни. По его словам, Едигей был убит в 1419 г. одним из сыновей Тохтамыша—Кадир-Берди, который после смерти Керим-Берди всё время воевал с Едигеем. Повидимому, это произошло у Сарайчука, как об этом говорит Ибн Арабшах. Встреча с отрядом Кадир-Берди оказалась роковой, и Едигей, по приказу Кадир-Берди, был изрублен в куски.

Так закончилась жизнь человека, который обладал большой волей, энергией, личной храбростью, в ещё большей мере хитростью и коварством, но совсем не возвышался над современниками, не разбирался в политической обстановке своего времени и наперекор объективному ходу истории стремился вернуть великодержавие паразитической Золотой Орде средствами политического обмана и застранивания.

⁷⁴ Długosz J. Op. cit. T. IV, str. 182.

⁷⁵ Тизенгаузен В. Т. I, стр. 442; арабский текст, стр. 428.

⁷⁶ Там же, стр. 545; арабский текст, стр. 451.

⁷⁷ Długosz J. Op. cit., str. 220.

⁷⁸ Тизенгаузен В. Т. I, стр. 473. Как мог Арабшах ошибиться в расположении Сарайчука? Ведь он не мог не знать этих мест. Известно, что Сарайчук расположен был в нижнем течении реки Яика (Урала).